

Религиозно-политические нарративы декабристов (историко-культурологический аспект)

Оксана И. Киянская

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия;*

*Институт научной информации по общественным наукам
РАН (ИНИОН РАН), Москва, Россия, kianoks@inbox.ru*

Аннотация. В статье речь идет об историко-культурологическом аспекте формирования религиозно-политических нарративов декабристов: от устава Союза благоденствия до «Православного катехизиса» С.И. Муравьева-Апостола. Характеризуется политико-религиозная ситуация в России 1810 – начала 1820-х гг., время деятельности Библейского общества и Министерства духовных дел и народного просвещения. Отмечается, что поиски «универсального христианства», характерные для этой эпохи, нашли свое воплощение в уставе Союза, ставившего целью помочь «правительству».

При характеристике поздних программных документов декабристов отмечается, что они составлялись в ту эпоху, когда идея такого рода помочи ушла в прошлое и декабристы стали готовить военную революцию. Соответственно, отсылки к религии в их поздних документах играют прежде всего служебную роль, являясь лишь удобной оболочкой для выражения политических идей.

Ключевые слова: А.И. Голицын, Библейское общество, декабристы, Н.М. Муравьев, П.И. Пестель, С.И. Муравьев-Апостол

Для цитирования: Киянская О.И. Религиозно-политические нарративы декабристов (историко-культурологический аспект) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкоизнание. Культурология». 2025. № 9. С. 39–55. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-9-39-55

Religious and political narratives of the Decembrists (historical and cultural aspect)

Oksana I. Kiyanskaya

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy
of Sciences (INION RAN), Moscow, Russia, kianoks@inbox.ru*

Abstract. This article is about the historical and cultural aspect of the formation of the Decembrists' religious and political narratives: from the Charter of the Welfare Union to the "Orthodox Catechism" by S.I. Murav'ov-Apostol. It describes the political-religious situation in Russia in the 1810s – early 1820s, the time of the Bible Society and the Ministry of Spiritual Affairs and Public Education. It is noted that the search for "universal Christianity", characteristic of that era, was embodied in the Charter of the Union, which aimed to assist the "government".

Characterising the Decembrists' later programme documents, the author notes that they were drafted at a time when the idea of that kind of assistance became a thing of the past and the Decembrists began to prepare a military revolution. Accordingly, references to religion in their late documents they primarily serve a functional role being used only as a convenient shell for expressing political ideas.

Keywords: A.I. Golitsyn, Bible Society, Decembrists, N.M. Murav'ov, P.I. Pestel, S.I. Murav'ov-Apostol

For citation: Kiyanskaya, O.I. (2025), "Religious and political narratives of the Decembrists (historical and cultural aspect)", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 9, pp. 39–55, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-9-39-55

Религиозные взгляды декабристов и их современников неоднократно изучались исследователями (см., например [Пыпин 2000; Карацуба 2008; Вишленкова 2002; Кондаков 2005]¹). Давно отмечено, что эпоха 1810–1820-х гг. – уникальное с точки зрения истории русской церкви время: православие соседствовало с религиозным ми-

¹ См. также: Пыпин А.Н. Религиозные движения при Александре I. СПб.: Академический проект, 2000. 477 с.; Мережковский Д.С. Революция и религия // Русская мысль. 1907. № 2. С. 64–85; Щеголев П.Е. Катехизис Сергея Муравьева-Апостола (Из истории агитационной литературы декабристов) // Минувшие годы. 1908. № 11. С. 50–80; Вернадский Г.В. Два лица декабристов // Свободная мысль. 1993. № 5. С. 81–92.

стицизмом, сторонником которого был сам император Александр I. В конце 1812 г. в России было организовано Библейское общество – как отделение одноименной английской организации, вскоре ставшее независимым. Членом Библейского общества был Александр I, возглавляя же эту организацию друг императора, министр духовных дел и народного просвещения князь Александр Голицын.

Голицын, осторожный политик, был, как и император, мистиком, сторонником «универсального христианства», стирающего конфессиональные различия; пропагандируемая им «внутренняя церковь» допускала единение с Иисусом Христом, минуя церковь официальную [Флоровский 2006, с. 133]. Религиозные воззрения князя распространяли подчиненные ему преподаватели учебных заведений и сочувствовавшие или желающие польстить министру издатели и авторы российских журналов.

Рука об руку с религиозными инициативами Голицына шли инициативы образовательные, филантропические и литературные. В систему его министерства входили многочисленные общественные организации: Общество для заведения училищ по методе взаимного обучения, Императорское человеколюбивое общество, Вольное общество любителей российской словесности и др.

Естественно, что и члены образованного в 1818 г. Союза благоденствия были погружены в общественно-религиозные искания эпохи.

Устав Союза декларировал: целью было «споспешствовать» российскому правительству «на степень величия и благоденствия, к коей она самим творцом предназначена»². Вопрос в данном случае состоит в том, кого именно члены тайного общества понимали под «правительством»: в окружение императора входили люди, по-разному понимавшие идею «величия и благоденствия» России.

И устав тайного общества, и практическая деятельность его членов свидетельствует, что под «правительством» в данном случае понимался именно Голицын и близкие к нему чиновники. Деятельность членов Союза благоденствия должна была охватывать «четыре главные отрасли»: «человеколюбие», «образование», «правосудие» и «общественное хозяйство». Две из них – «человеколюбие» и «образование» – дублировали деятельность возглавлявшихся князем Голицыным государственных и общественных организаций.

Религиозным вопросам в уставе Союза уделено значительное место.

² Устав Союза благоденствия // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1951. Т. 1. С. 241–242.

В Союз принимались совершеннолетние российские граждане, разделяющие его цели и исповедующие «христианскую веру». Те, кто изберет для себя деятельность на ниве «человеколюбия», должны быть уверены в том, что «сия добродетель» есть «отличное качество истинного христианина».

Тем же членам Союза, которые избрали для себя образовательную отрасль, вменялось в обязанность, в частности, «распространять правила», что

человек не иначе, как с помощью веры, может преодолеть свои страсти, противостоять неприязненным обстоятельствам и шествовать по пути добродетели,

а также

обнаруживать всю подлость лицемерия и несогласие оного с истинной верой.

Вполне в духе «внутренней церкви» Голицына устав утверждал, что

вера наша состоит не в наружных только признаках, но в самых делах наших.

Союз благоденствия приветствовал принятие в свои ряды священнослужителей. Вступившие в организацию «духовные особы» должны были

просвещать прихожан своих насчет их обязанностей, не исключая из сего никакого сословия³.

Примечательно, что в уставном документе Союза благоденствия речь идет о «вере», «христианстве» и «духовных особах» – однако не упоминается о православии. Тем самым подчеркивалась конфессиональная толерантность, за которую ратовал Голицын.

Устав Союза благоденствия – по крайней мере, в части, доступной исследователям – был проникнут духом филантропии и вольнолюбия, но радикализмом не отличался. Не отличалась радикализмом и деятельность подавляющего большинства его членов: их работа шла в области литературы, просвещения, благотворительности и т. п. Они действительно учили грамоте солдат, помогали бедным, пытались искоренять неправду в судах.

---

³ Там же. С. 246, 261, 265–266, 243.

В Союзе существовала и радикальная мысль, впоследствии воплотившаяся в идею военной революции. Выдвинутая Голицыным идея религиозного равноправия приводила к размышлениям о равноправии политическом, рождался «союз Христа с Вольностью» (выражение Д.С. Мережковского).

В уставе этот революционный элемент только намечался: действующие на ниве «правосудия» должны были «истреблять» «продажу крепостных людей в рекруты», «отклонять» от продажи крепостных поодиночке и стараться

вразумить, что люди не суть товар и что только простительно одним народам, непросвещенным светом христианства, почитать подобных себе собственностию⁴.

Отдельными членами Союза благоденствия уже создавались намного более определенные в политическом смысле документы. Яркий пример тому – «Любопытный разговор» Никиты Муравьева.

Муравьев, впоследствии лидер декабристского Северного общества и автор конституционного проекта, по словам его биографа, Н.М. Дружинина, с детства

проникся религиозными эмоциями и до конца своих дней оставался верен христианской традиции. Культ «добродетели» сохранял свою силу над Н. Муравьевым в продолжение всей его жизни; изучение и комментирование Евангелия, знакомство с историей церкви и чтение религиозных трактатов сопутствовали его политической деятельности [Дружинин 1985, с. 54, 85].

Никита Муравьев, как известно, воевал, а после войны был одним из лидеров вернувшейся в Россию молодежи. Он был в числе основателей Союза спасения, первой декабристской тайной организации, и входил в Коренной совет, управлявший Союзом благоденствия.

«Любопытный разговор», написанный им в 1820 г., не был окончен, и цель его написания точно не известна. По форме это был «cateхизис», то есть сочинение в форме вопросов и ответов; такая форма была заимствована из сочинений испанских монахов, призывающих сограждан в годы войны восстать против захватнической политики императора Наполеона.

В тексте «Любопытного разговора» был, в частности, следующий пассаж:

---

⁴ Там же. С. 273.

В<опрос>. Не сам ли Бог учредил самодержавие?

О<твет>. Бог во благости своей никогда не учреждал зла.

В<опрос>. От чего же говорят: *Нест бо власть аще не от Бога?*

О<твет>. Злая власть не может быть от Бога. *Всякое древо доброе добры плоды творит...* всякое же древо, не приносящее плодов добрых, будет посечено и ввергнуто в огнь. Хищным волкам в одеждах овчих, пророчествующим во имя Господне, мы напомним слова Спасителя: *Николи же знах вас: отъидите от меня, делающие беззакония*⁵.

«Любопытный разговор» впоследствии нашли среди бумаг Сергея Муравьева-Апостола, троюродного брата Никиты. Согласно позднейшим исследованиям, он – как формой, так и содержанием – прослужил одним из источников знаменитого «Православного катехизиса», прочитанного 31 декабря 1825 г. в городе Василькове в ходе восстания Черниговского пехотного полка, поднятого Муравьевым-Апостолом.

* * *

В 1821 г. Союз благоденствия прекратил существование. На его руинах возникло Южное общество с центром в украинском Тульчине, а несколько лет спустя воссоздалась и столичная организация, получившая название Северного общества. Радикальные настроения в обеих организациях были намного более сильными. И Северное, и Южное общества готовили перемену власти в России с помощью военной силы – согласно принятой самими декабристами терминологией, военную революцию.

В позднейших документах, созданных и на юге, и на севере, религиозные идеи зазвучали по-другому. Наиболее характерна в этом смысле «Русская Правда» Павла Пестеля – программный документ Южного общества.

Пестель происходил из весьма набожной протестантской семьи с немецкими корнями. Его мать и отец, генерал-губернатор Сибири, были уверены, что только искренняя вера

дает истинную твердость и единственное надежное счастье, каким можно наслаждаться в этом мире, а после еще и в ином⁶.

⁵ Муравьев Н.М.: Следственное дело // Восстание декабристов: Материалы. М.; Л.: Госиздат, 1925. Т. 1. С. 322.

⁶ Из бумаг П.И. Пестеля: Семейная переписка // Восстание декабристов: Документы. М.: РОССПЭН, 2012. С. 112.

Но эти убеждения они не сумели внушить сыну. Павел Пестель спорил с ними, утверждая, что «Всевышнему недостало его могущества, чтобы сделать нас счастливыми»⁷. Своеобразный «парадокс Пестеля» был записан Александром Пушкиным по итогам встречи с ним в 1821 г. в Кишиневе:

Mon coeur est materialiste, говорит он, mais ma raison s'y refuse⁸.

В отношении религии – как и в политическом отношении – Пестель был сторонником «разумного эгоизма». Главный политico-публицистический документ, вышедший из-под его пера, – «Русская Правда», начинается своеобразной преамбулой:

Первоначальная обязанность человека, которая всем прочим обязанностям служит источником и порождением, состоит в сохранении своего бытия. Кроме естественного разума, сие доказывается и словами Евангельскими, заключающими весь закон христианский: *люби Бога, и люби ближнего, как самого себя*, словами, вмещающими и любовь к самому себе как необходимое условие природы человеческой, закон естественный и, следственно, обязанность нашу⁹.

«Любовь к самому себе», вытекающая, по Пестелю, из «закона христианского», может обеспечить главное условие существования новой России – всеобщее равенство перед законом. Только в обществе равных возможностей эгоизм каждого гражданина может быть реализован в полной мере:

Все люди в государстве должны непременно быть перед законом совершенно ровны... всякое постановление, нарушающее сие равенство, есть нестерпимое злополучие, существующее непременно быть уничтоженным, –

гласит «Русская Правда»¹⁰. Согласно этому документу, сословное деление общества уничтожалось, а крепостное право отменялось.

Идея всеобщего юридического равенства вполне воплотилась и в национальной программе «Русской Правды». Национальное

⁷ Там же. С. 267.

⁸ «Сердцем я материалист, но мой разум этому противится» (фр.) (Пушкин А.С. Дневники. Записки. СПб.: Наука, 1995. С. 14).

⁹ Пестель П.И. Русская Правда и сочинения, ей предшествующие. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1958. С. 115.

¹⁰ Там же. С. 152.

своеобразие: культурное, религиозное или политическое, уничтожало принцип равных возможностей. И поэтому народам представлялся выбор: либо ситься с русскими, приняв их образ жизни и формы правления, либо испытать на себе много неприятностей – вплоть до выселения из страны.

Религия нужна Пестелю для подтверждения этих вполне земных политических постулатов. Населенные славянами губернии должны – после победы российской революции – получить «одинаковым образом» устроенное «правление», поскольку большинство населения в этих губерниях – православные. «Народы кочующие», согласно «Русской Правде», следует «на постоянные жилища поселить и к земледелию обратить» – а для того, в частности, «открыть им свет православной веры и лучи истинного просвещения»; живущим же в России цыганам «предоставить... право или оставить Россию» или принять «веру православную»¹¹.

Российским мусульманам планировалось запретить многоженство, поскольку «обычай сей противен православной вере», монахам «иностранных вероисповеданий» не могло быть позволено пребывание в России, «ибо все сии ордены противны духу православной веры и потому не могут в России быть терпимы» и т. п. В целом же новый российские власти после революции должны были исходить из того, что

христианская православная грекороссийская вера признана быть должна господствующею верою великого государства Российского.

Все же иные христианские конфессии и «инородные веры»

дозволяются в России если только не противны они российским законам духовным и политическим, правилам чистой нравственности и не нарушают естественных обязанностей человека¹².

Как справедливо отмечал биограф Пестеля С.Н. Чернов, при анализе дошедших до нас письменных текстов руководителя Южного общества «бросается в глаза его – лютеранина вероисповеданием – почтительность к православной церкви». Этот феномен исследователь склонен был объяснить «тяжелым внутренним признанием себя по крови и культуре нерусским» при том, что ему было свойственно «искреннее национальное самоопределение себя русским». Отчасти с этим мнением можно согласиться, как и с тем

¹¹ Там же. С. 138–139, 143.

¹² Там же. С. 143, 155, 205.

утверждением, что «нерусскость» Пестеля могла казаться ему препятствием в будущей, постреволюционной карьере [Чернов 2004, с. 73–74].

Дело было не только в личных чувствованиях руководителя Южного общества. Религия, как и язык, законодательство или российские традиции, была нужна Пестелю для того, чтобы из граждан будущей Российской республики составить

только один народ, и все различные оттенки в одну общую массу слить так, чтобы обитатели целого пространства Российского государства все были русские.

Вся Россия, по его мнению, должна была «являть» «на целом своем пространстве» «вид единородства, единообразия и единомыслия»¹³.

«Конституция» Никиты Муравьева по многим своим основным положениям была, как известно, противоположна «Русской Правде». Республике Муравьев предпочитал конституционную монархию, общинному землевладению – освобождение крестьян без земли, прямому избирательному праву – имущественный ценз и т. п. Собственно религиозным вопросам в «Конституции» уделено гораздо меньше внимания, чем в «Русской Правде».

В тексте есть переклички с «Любопытным разговором»:

Опыт всех народов и всех времен доказал, что власть самодержавная равно гибельна для правителей и для обществ, что она не согласна ни с правилами святой веры нашей – ни с началами здравого рассудка.

Не основано на «Божьей воле» и юридическое неравенство: после победы революции Муравьев планировал отменить сословное разделение российского общества, поскольку такое разделение «противно христианской вере – по которой все люди *братья*, все рождены *благо*»¹⁴.

Пестелевскому унитарному государству Никита Муравьев противопоставил конфедерацию полунезависимых «держав», в каждой из которых должны быть сформированы свои органы законодательной и исполнительной власти. Поэтому религия, цементирующая народ в единое целое, ему не нужна: «русскими», согласно «Конституции», признаются

¹³ Там же. С. 149.

¹⁴ Цитируемый в данной статье текст конституции Н.М. Муравьева находится в следственном деле С.П. Трубецкого.

все коренные жители России и дети иностранцев, родившиеся в России, достигшие совершеннолетия, если они объявили желание остаться в России.

О православии в «Конституции» ничего не говорится. Впрочем, вопрос, например, о цыганах Муравьев решал столь же жестко, как и Пестель:

Кочующие племена не имеют прав гражданских¹⁵.

* * *

Сергей Муравьев-Апостол, как и Никита Муравьев, по рождению был православным. Однако его взгляды на религию и мораль сформировались уже во взрослом возрасте: мать будущего декабриста умерла, когда он был еще ребенком, а отец к религии был равнодушен.

В основе морально-этических представлений декабриста лежали как представления о собственной исключительности, так и мистицизм. Отцу он писал, что, по его мнению, люди «делятся на два класса: одни рождены, чтобы управлять, другие – быть ведомыми». «Ведомых» Муравьев-Апостол презрительно называл «стадом баранов». А «рожденных управлять» уподоблял ветхозаветному пророку Моисею:

Чтобы управлять людьми, надо поступать, как Моисей; после беседы с ним на горе Синай Бог украсил его голову двумя сверкающими лучами – вот и Моисей. Но поскольку существует несколько разновидностей превосходства и поскольку оно всегда относительно, случается так, что в царстве слепых одноглазые – короли¹⁶.

Естественно, что себя он относил к «рожденным управлять».

Соратникам Муравьев-Апостол читал ветхозаветную «Книгу премудрости Иисуса, сына Сирахова»¹⁷, в которой, в частности, были такие слова:

Господь от начала сотворил его и оставил в руке его произволения его. Если хочешь, соблюдешь заповеди и сохранишь благоугодную

¹⁵ Трубецкой С.П.: Следственное дело // Восстание декабристов: Материалы. М.; Л.: Госиздат, 1925. Т. 1. С. 109, 112, 111.

¹⁶ «Ваш покорный сын»: Письма Сергея Муравьева-Апостола к отцу, 1821–1823. М.: РГГУ, 2022. С. 79, 94.

¹⁷ Спиридов М.М.: Следственное дело // Восстание декабристов: Материалы. М.; Л.: Госиздат, 1926. Т. 5. С. 127.

верность... Пред человеком жизнь и смерть, и чего он пожелает, то и дастся ему (Сирах 15: 14–17).

В «Православном катехизисе», прочитанном по приказу Муравьева-Апостола перед восставшими черниговцами, тоже отразились его представления о совеем месте в мире:

Вопрос: Каким же образом ополчиться всем чистым сердцем?

Ответ: Взять оружие и следовать смело за глаголющим во имя Господне¹⁸.

Веру подполковника в себя как в «глаголящего во имя Господне», «избранного», решившегося подвизаться «за истину до смерти» (Сирах 4: 32) и пожертвовать жизнью за других, не смогли поколебать ни разгром восстания, ни ранение на поле боя, ни тюрьма, ни ожидание смертной казни. Отцу из тюрьмы он писал:

Я много надеюсь на милость Господа, который читает в сердцах и не может осудить меня за чувства моего сердца.

Те же идеи лежат в основе его тюремного дневника, старшему брату, Матвею, тоже участвовавшему в восстании Черниговского полка, перед казнью он написал письмо, в котором повествовал, в частности, о собственной «уверенности», что его «жертва» «не отвергнута» Христом¹⁹.

Особенностью поздних религиозных воззрений Сергея Муравьева-Апостола было соединение традиционного для Александровской эпохи мистицизма с убеждениями радикального революционера. Но – кроме идеи о «глаголющем во имя Господне» – в «Православном катехизисе» его религиозные взгляды почти не отразились.

Как известно, «Православный катехизис» написан Сергеем Муравьевым совместно с другом, Михаилом Бестужевым-Рюминым.

¹⁸ Муравьев-Апостол С.И.: Следственное дело // Восстание декабристов: Материалы. М.; Л.: Госиздат, 1927. Т. 4. С. 254–255.

¹⁹ Журналы и докладные записки Следственного комитета // Восстание декабристов: Документы. М.: Наука, 1986. Т. 16. С. 158; Муравьев-Апостол С.И. Письма // Русский архив. 1887. № 3. С. 320; *Он же.* Письмо к отцу от 21 января 1826 г. Предсмертные размышления. Письмо накануне казни к брату его, Матвею Ивановичу // Русский архив. 1887. № 1. С. 51–52, 53.

Бестужев-Рюмин, младший из казненных в 1826 г. декабристов, тоже был православным, происходил из семьи российских провинциальных дворян.

Очевидно, что его родителей религиозные вопросы интересовали мало: их сын вырос вольтерьянцем.

Первые либеральные мысли почерпнул я в трагедиях Вольтера, –

показывал Бестужев-Рюмин на следствии²⁰. О французском философе он беседовал, в частности, с близким родственником, мужем двоюродной сестры Саввой Мартыновым, который, по воспоминаниям современников, сделал состояние на карточной игре, служил лишь «четырем королям» и «веровал в одного Вольтера»²¹.

Соратникам Бестужев-Рюмин говорил, что в России «со времен Петра Великого духовенство не играет никакой роли» – и этот фактор способен сыграть положительную роль в революции. Следователям же в 1826 г. поведал, что «на исповеди и у святого причастия» бывал «по удобности, но оная не каждый год встречалась»²².

По-видимому, именно Бестужеву-Рюмину принадлежала идея воздействовать на солдат религией с помощью «Православного катехизиса»; по крайней мере, на этом настаивал старший брат Сергея Муравьева-Апостола, Матвей, тоже участник восстания²³.

Комментаторы «Катехизиса» разошлись в трактовках этого текста. П.Е. Щеголев и Д.С. Мережковский, например, считали, что в нем Иисус Христос провозглашается «единым царем Вселенской», а также обосновывается новый религиозно-общественный порядок, противоположный «всякому порядку государственному», провозглашением строительства «Царства Божия на Земле»²⁴. А, например, Н.К. Шильдер утверждал, что в этом документе «на основании превратных толков Священного Писания» превратно излагались

²⁰ Бестужев-Рюмин М.П.: Следственное дело // Восстание декабристов: Материалы. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1950. Т. 9. С. 49.

²¹ Вигель Ф.Ф. Записки. М.: Захаров, 2003. Кн. 2. С. 659–660.

²² Бестужев-Рюмин М.П.: Следственное дело... С. 92, 49.

²³ Муравьев-Апостол М.И.: Следственное дело // Восстание декабристов: Материалы. М.: Госполитиздат, 1950. Т. 9. С. 229, 241.

²⁴ Щеголев П.Е. Катехизис Сергея Муравьева-Апостола. С. 58, 72; Мережковский Д.С. Революция и религия. С. 63, 72, 73.

обязанности воина к Богу и отечеству в соединении с оскорбительными рассуждениями против верховной власти²⁵.

В данном случае Шильдер, вероятно, все же ближе к истине. «Катехизис» содержал, по свидетельству Бестужева-Рюмина, «выписки из Священного Писания в либеральном смысле». Содержание «Православного катехизиса» относилось «к представительному правлению», – подтверждал его слова Матвей Муравьев-Апостол²⁶.

Как и «Любопытный разговор», «Православный Катехизис» построен на идее изначального равенства людей, на том, что «цари» похитили у народа свободу. Идея эта доказывается библейскими цитатами, в основном из 8-й главы «Книги Царств», в которой Господь гневается на израильтян, просящих у него царя:

Сие будет правда царева: сыны ваши возьмет, и дщери ваши возьмет, и земли ваши одесятствует, и вы будете ему рабы и возопиете в день он от лица царя вашего, его же избрасте себе, и не услышит вас Господь в день он, яко вы сами избрасте себе царя.

В отличие от автора «Любопытного разговора» авторы «Катехизиса» настаивают на военной революции как способе освободить народ от власти «неправедных» царей.

При этом из библейского текста выбрасываются не относящиеся к пропагандистской задаче фрагменты. Не упоминается, например, о том, что, несмотря на гнев, Господь все же «избирает» в цари крестьянина Саула, а пророк Самуил «помазывает» его на царство. Когда же Саул нарушает Божественную волю, пророк произносит слова, убийственные для авторов «Катехизиса»:

...послушание лучше жертвы и повиновение лучше туха овнов, ибо непокорность есть такой же грех, что волшебство, и противление тому, что идолопоклонство (1 Царств 15:22).

Сама ситуация военного мятежа вряд ли была годной для серьезного обсуждения с солдатами вопросов веры. По сути «Катехизис» – документ светский. Слово «православие» встречается в тексте только один раз – в названии; содержание же его ничего собственно «православного» не отражает.

²⁵ Шильдер Н.К. Император Александр Первый, его жизнь и царствование: В 4 т. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1898. Т. 4. С. 365.

²⁶ Бестужев-Рюмин М.П.: Следственное дело. С. 60; Муравьев-Апостол М.И.: Следственное дело. С. 184, 186.

Описывая основные черты авторитарного государства – каковым и являлась Россия в XIX в. – М.П. Одесский и Д.М. Фельдман справедливо отмечают: в таком государстве

монарх – сакрализован. Он почитается особой священной, его право повелевать – Богоданно [Одесский, Фельдман 2012, с. 21].

Государь повелевает народами «от имени» Бога, и любой офицер является для низших чинов командиром лишь постольку, поскольку сам выполняет волю Бога и государя.

Нет власти не от Бога... Противящийся власти противится Божию установлению (Рим. 13.1.2;ср.: 1 Петр. 2.13–17).

Именно этому учила солдат официальная церковь.

Главная задача «Катехизиса» как раз и состояла в том, чтобы сломать укоренившуюся в солдатском сознании устойчивую вертикаль Бог – царь – офицер, убрать из нее второй элемент. Следовало доказать, что «с законом Божиим» сходно то правление, «где нет царей». Выполнив эту задачу, заговорщики смогли бы обосновать свое право на власть в отсутствии царя, сделать солдат союзниками, оправдать в их глазах собственные действия.

Логично предположить, что идея переделки Библии в угоду политической пропаганде принадлежала прежде всего вольтерьянцу Бестужеву-Рюмину, бывавшему в церкви «по удобности». Судя по показаниям Матвея Муравьева-Апостола, идея читать «Катехизис» перед восставшим полком тоже принадлежала ему²⁷.

* * *

Декабристы, «люди двадцатых годов», по-разному видели будущее государственное устройство, нельзя свести воедино и их взгляды на религию и мораль. Среди них были, конечно, люди искренне верующие. Так, член Южного общества поручик Николай Бобрищев-Пушкин утверждал на следствии, что ему не нравился «демон или по крайней мере равнодушие» к религии товарищей по тайному обществу.

Я боролся с ним почти четыре года, всегда, где только приводил случай, обороныясь и предохраняя кого только мог, –

показывал Бобрищев-Пушкин²⁸.

²⁷ Муравьев-Апостол М.И.: Следственное дело. С. 239.

²⁸ Бобрищев-Пушкин Н.С.: Следственное дело // Восстание декабристов: Материалы. М.: Наука, 1969. Т. 12. С. 365.

«Деизм» или, по крайней мере, сомнение в существовании божественного начала был свойствен Пестелю, а религиозные воззрения Сергея Муравьева-Апостола могли считаться православными лишь с большой долей допущения. Соратник Пестеля князь Барятинский писал атеистические стихи, Василий Давыдов, руководитель Каменской управы Южного общества, прижил вне брака троих детей. А руководитель Северного общества, несостоявшийся диктатор 14 декабря князь Сергей Трубецкой в юности был участником кружка «Зеленая лампа», отличавшегося ярко выраженной свободой нравов.

В публичной презентации религиозно-политических нарративов декабристов можно отметить некоторые общие черты.

Устав Союза благоденствия написан под сильным воздействием «внутренней церкви» князя Голицына. В поздних документах декабристов это влияние по-прежнему чувствуется:

Внутренняя вера есть неограниченная собственность каждого человека как существа разумного, не имеющего ни малейшей обязанности давать в том отчета кому бы то ни было, но вместе с тем и не имеющего права от других такового отчета требовать, –

утверждал Пестель в «Русской Правде»²⁹. Никита Муравьев полагал, согласно «Конституции», что «вера» граждан России не может подлежать рассмотрению законодательных органов³⁰.

«Свободное отправление богослужения всем верам» было обещано идеологами Северного общества гражданам России и в написанном накануне 14 декабря 1825 г. «Манифесте», одним из авторов которого был Трубецкой³¹.

Но поздние декабристские документы писались уже в другую эпоху: идеи помощи «правительству» и даже сотрудничества с ним давно себя изжили. В этих документах отсылки к религии играют прежде всего служебную роль, подчеркивают политические цели. По словам Н.М. Дружинина, «идея естественного права» в «Конституции» Никиты Муравьева «облеклась в религиозную оболочку» [Дружинин 1985, с. 147]. Это высказывание верно и для других такого же рода текстов.

²⁹ Пестель П.И. Русская Правда и сочинения, ей предшествующие. С. 206.

³⁰ Трубецкой С.П.: Следственное дело. С. 132.

³¹ Там же. С. 107.

Литература

- Вишленкова 2002 – *Вишленкова Е.А.* Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России первой четверти XIX в. Саратов: Изд-во СГУ, 2002. 467 с.
- Дружинин 1985 – *Дружинин Н.М.* Декабрист Никита Муравьев // Дружинин Н.М. Избранные труды: Революционное движение в России в XIX в. М.: Наука, 1985. С. 5–304.
- Карацуба 2008 – *Карацуба И.В.* «Православный катехизис» С.И. Муравьева-Апостола: комментарий // Декабристы: актуальные проблемы и новые подходы. М.: РГГУ, 2008. С. 460–476.
- Кондаков 2005 – *Кондаков Е.Ю.* Либеральное и консервативное направление в религиозных движениях в России первой четверти XIX в. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2005. 343 с.
- Одесский, Фельдман 2012 – *Одесский М.П., Фельдман Д.М.* Поэтика власти: Тираноборчество. Революция. Террор. М.: РОССПЭН, 2012. 263 с.
- Пыпин 2000 – *Пыпин А.Н.* Религиозные движения при Александре I. СПб.: Академический проект, 2000. 477 с.
- Флоровский 2006 – *Флоровский Г.В.* Пути русского богословия. Мин.: Белорусский экзархат, 2006. 608 с.
- Чернов 2004 – *Чернов С.Н.* Павел Пестель. СПб.: Лики России, 2004. 304 с.

References

- Chernov, S.N. (2004), *Pavel Pestel'* [Pavel Pestel], Liki Rossii, Saint Petersburg, Russia.
- Druzhinin, N.M. (1985), “Decembrist Nikita Muravyev”, in Druzhinin, N.M., *Izbrannye trudy: Revolyutsionnoe dvizhenie v Rossii v XIX v.* [Selected works. Revolutionary movement in Russia in the 19th century], Nauka, Moscow, USSR.
- Florovsky, G.V. (2006), *Puti russkogo bogosloviya* [Pathgs of Russian Theology], Minsk: Belarusian Exarchate, 608 pp.
- Karatsuba, I.V. (2008), “‘Orthodox Catechism’ by S.I. Muravyov-Apostol. Commentary”, in *Dekabristy: aktual'nye problemy i novye podkhody* [Decembrists. Current iussues and new approaches], RGGU, Moscow, Russia, pp. 460–476.
- Kondakov, E.Yu. (2005), *Liberal'noe i konservativnoe napravlenie v religioznykh dvizheniyakh v Rossii pervoi chetverti XIX v.* [Liberal and conservative direction in religious movements in Russia in the first quarter of the 19th century], RGPU imeni A.I. Gertsena, Saint Petersburg, Russia.
- Odesskii, M.P. and Feldman, D.M. (2012), *Poetika vlasti: Tiranoborchestvo. Revolyutsiya. Terror* [Poetics of power. Tyrannicide. Revolution. Terror], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Pypin, A.N. (2000), *Religioznye dvizheniya pri Aleksandre I* [Religious movements under Alexander I], Akademicheskii proekt, Saint Petersburg, Russia.

Vishlenkova, E.A. (2002), *Zabotyas' o dushakh poddannykh: religioznaya politika v Rossii pervoi chetverti XIX v.* [Taking care of the souls of the subjects. Religious policy in Russia in the first quarter of the 19th century], Izdatel'stvo SGU, Saratov, Russia.

Информация об авторе

Оксана И. Киянская, доктор исторических наук, профессор, Российской государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6;

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), Москва, Россия; 117997, Россия, Москва, Нахимовский пр-кт, д. 51/21; kianoks@inbox.ru

Information about the author

Oksana I. Kiyanskaya, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047;

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN); 51/21, Nakhimovskii Av., Moscow, Russia, 117997; kianoks@inbox.ru